

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на 5 мѣсяцевъ 8 франк.
» 3 мѣсяца 5 »
» 2 мѣсяца 3 »
» 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

15ое НОЯБРЯ 1882

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Вольные люди Западнаго края и новый законъ о нихъ. П. С. — 2) Старозаимочныя земли въ Слободской Украинѣ. — 3) Ничего-не-дѣланіе, какъ высшій принципъ нашей государственной мудрости (письмо въ редакцію), Петербуржца. — 4) Къ исторіи о студенческихъ общежитіяхъ (письмо въ редакцію). — 5) Канцелярскія мытарства (письмо въ редакцію), Отставного Солдата. — 6) Изъ Бѣлорусіи (корреспонденція «Вольнаго Слова»). — 7) Толкъ о передѣлѣ земли въ Польшѣ. — 8) Попытка и экономія въ уѣздѣ югозападнаго края (корреспонденція «Вольнаго Слова»). I. — 9) Письма изъ Галиціи, I. М.— она. 10) Первый международный антисемитическій конгрессъ. (Спеціальная корресп. «Вольнаго Слова»). V. (Окончаніе). — 11) Націонализация земли. (Продолженіе). — 12) Шестой національный конгрессъ рабочихъ во Франціи. — 13) Литературно-политическіе отрывки. «Le Révolté» объ иллюзіяхъ конспираторовъ и революціонеровъ. М. Драгоманова.

Женева, 15 ноября 1882.

Любопытно въ качествѣ характеристики новѣйшаго русскаго законодательства недавно появившеся въ свѣтъ высочайшее повелѣніе о поземельномъ устройствѣ бывшихъ вольныхъ людей Западнаго края. По предварительно скажемъ нѣсколько словъ о происхожденіи этого класса людей. Чиншевское право, говоритъ авторъ прекрасной статьи «Наслѣдственные арендаторы въ Западномъ краѣ» (Порядокъ, 1882 г. № 279), развилось въ Западномъ краѣ во время польскаго владычества, на основаніи нѣмецкаго магдебургскаго права. Въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ, до конца XVIII в., никто, кромѣ шляхты, не имѣлъ права владѣть земельною собственностью. Вслѣдствіе этого польскіе короли, для усиленія производительности края, стали раздавать земли въ своихъ имѣніяхъ въ «вѣчное пользованіе» за «чиншъ» (Zins—оброкъ). Примѣру ихъ, частью, съ той же цѣлью, частью, для увеличенія численности своей военной рати, слѣдовали магнаты, владѣльцы громаднхъ земельныхъ пространствъ. Въ отдѣлѣ обязанностей, налагаемыхъ на чиншевиковъ, всегда говорилось, что они должны отбывать повинность,

одинаковую съ другими поселенцами, затѣмъ перечислялись ихъ обязанности, кои въ общихъ чертахъ были слѣдующія: а) безпресловенное исполненіе требованій, приказаній и рѣшеній вотчинника и б) снаряженіе по первому востребованію владѣльца съ каждаго пяти влокъ по одному копному воину, хорошо вооруженному, въ нащурѣ и въ латахъ, со щитомъ и копьемъ, не только во время войны, но и для службы при замкахъ; невыполненіе сказанной услуги влекло за собою уничтоженіе привилегій. Если лица, получившія земли, не принадлежали къ дворянскому сословію, то на нихъ накладывались, кромѣ того, различныя данн съ меда, ржи, овса и т. д. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ отъ дворянъ, заселившихся на свободныхъ земляхъ, не требовалось никакой повинности, кромѣ военной службы. Въ городахъ и мѣстечкахъ, весьма обильно надѣленныхъ землями своими владѣльцами, королями и вельможами, давались пазцы, т. е. усадебныя угодья въ размѣрѣ приблизительно морга, т. е. $\frac{2}{3}$ десят., съ правомъ возводить постройки, пользоваться общимъ выгономъ, водоемомъ, лѣсомъ и т. д. Повинность за такія пазцы полагалась исключительно денежная. Когда западныя губерніи были «возвращены» Россіи, и магнаты потеряли право имѣть собственныя войска, воинская повинность была замѣнена отчасти денежною, при чемъ, съ теченіемъ времени, размѣры чинша все увеличивались. Вслѣдствіе этого уже съ начала настоящаго столѣтія является цѣлый рядъ недоразумѣній и процессовъ между чиншевиками и владѣльцами имѣній. Со стороны владѣльцевъ стало даже замѣтно стремленіе выселять чиншевиковъ, а со стороны послѣднихъ — превратить безсрочное пользованіе въ полную собственность. Убѣдившись въ невозможности доказать права собственности на занимаемыя земли, чиншевики стали домогаться владѣть ею за первоначально наложенную на нихъ ничтожную денежную плату, отбросивъ воинскую и всякія другія натуральныя повинности. Процессы

чиншевиковъ съ вотчинниками отличаются разнообразнымъ и произвольнымъ толкованіемъ правъ чиншевиковъ — лицами и учрежденіями, отъ коихъ рѣшенія ихъ дѣла зависѣли; по въ результатѣ чиншевики обыкновенно проигрываютъ свои искъ, на основаніи той статьи свода законовъ (1692, X т. 1-ая часть), которая не дозволяетъ отдачу земель въ аренду, болѣе чѣмъ на 12 лѣтъ. Подобный исходъ, хотя и основанъ на законѣ, далеко несправедливъ. Привязанность къ тому, надѣ чѣмъ трудился, присуща всякому человѣку, и тѣмъ болѣе западно-русскому простолюдину, который ни за что не промѣняетъ песчаную батьковщину на самый лучшій черноземъ*). Лишая вѣчнаго пользованія своими участками чиншевиковъ судебныя мѣста породили цѣлый классъ безземельныхъ и озлобленныхъ пролетаріевъ, ибо, вотчинники, считая ихъ безпокойными людьми и пользуясь выпрышемъ дѣла, стараются выселить ихъ изъ имѣній. Для опредѣленія правъ и устройства быта чиншевиковъ самымъ правильнымъ пріемомъ было бы обратиться къ документамъ, опредѣляющимъ права и обязанности обѣихъ сторонъ и примѣнить ихъ къ требованіямъ настоящаго времени. Изъ подлинныхъ документовъ видно, что во всѣхъ выданныхъ чиншевикамъ привилегіяхъ существуетъ одно неизмѣнное правило: земля отдавалась на вѣчныя времена за обычную повинность. Смыслъ этого условія очень ясенъ: земля отдавалась въ потомственное пользованіе; повинность же за нее должна была отбываться равная той, которую отбывали другіе. Цѣль такого договора очевидна: одна сторона пріобрѣтала на вѣчныя времена землю съ гарантіею, что не будетъ обременена непосильною повинностью, другая обеспечивала себѣ доходъ, равный отбываемому окружающимъ населеніемъ. Можно утвердительно

*) Слѣдуетъ замѣтить, что почти всѣ земли, обрабатываемыя вольными людьми и чиншевиками, особенно въ Литвѣ, Бѣлорусіи, на Волыни и въ Кіевскомъ Полѣсьи, орошены отъ лѣсу и осушены ихъ предками. (Ред.)

незначительны. Увеличение производительной силы влияет на заработную плату и проценты не само по себе, а лишь по столько, по сколько при этом изменяется рента. Если цена земли возрастает пропорционально увеличению производительной силы, то весь избыток богатства поглотится рентой, заработная же плата и проценты останутся без изменения. Если цена земли возрастет быстрее производительной силы, то рента поглотит больше полученного избытка богатства и, хотя продуктивность труда и капитала будут теперь значительно прежнего, но заработная плата и проценты от этого только повысятся. Лишь в том случае, когда цена земли растет медленнее производительной силы, возможно одновременное возрастание заработной платы, процентов на капитал и производительной силы.

Покончив с рентой, Г. Джордж обращается к рассмотрению вопроса, почему капитал приносит вообще проценты. Объяснения, данные до сих пор экономистами по этому пункту, он считает несостоятельными.

Говорят, будто бы проценты служат вознаграждением за воздержание. Но воздержание — качество чисто пассивное; это не деятельность, а бездеятельность, сама по себе не производящая ничего. Если у меня есть сумма денег, которую я продержал под замком в течение цѣлаго года, то я проявил ровно столько же воздержания, сколько, напр., требуется, чтобы дать в рост ту же сумму на тот же годичный срок, и однако в последнем случае я получу проценты, а в первом у меня окажутся все те же деньги без малѣйшей прибавки. Утверждают еще, будто, давая в займы, я оказываю услугу должнику, за которую он и вознаграждает меня процентами. Но ведь и должник оказывает мне услугу тем, что сохраняет в цѣлости мое имущество. Услуга эта для некоторых видов капитала, которые нужно постоянно восстанавливать, которые портятся при неупотреблении их и требуют больших издержек для своего сохранения, — так велика, что многие капиталисты скорѣй согласились бы платить за нее, чѣм лишиться ее. Наконец, некоторые экономисты (в том числе Бастия) объясняют существование процентов «свойством усовершенствованных орудий производства увеличивать продуктивность труда». Объяснение это тоже не выдерживает критики; оно было бы справедливо, если бы способ приготовления и употребления инструментов и машин составлял всегда секрет изобретателя или род монополии, но в таком случае мы имѣли бы дѣло не с процентами на капитал, а с доходами, доставляемыми монополией. Когда Иванъ даст в займы Петру свой рубанок, то самое существование, что при этом получает Петръ вовсе не способность применять свой труд более продуктивным способом, но возможность пользоваться конкретным результатом известного числа рабочих дней, которые Петръ должен был бы употребить на изготовление рубанка, если бы Иванъ не дал ему замѣстительно этого инструмента. Если бы «свойство усовершенствованных орудий произ-

водства увеличивать продуктивность труда» было причиной процентов, то норма процентов на капитал должна бы постоянно увеличиваться по мѣрѣ хода технических изобретений, чего на самом дѣлѣ мы не видим. Если бы все богатство людей состояло только из предметов мѣра неорганического и все производство сводилось бы к изменению формы инертного неорганического вещества, то проценты на капитал были бы просто грабежом; но дѣло в том, что богатство заключается в себѣ также и разные предметы животного и растительного царства. Я могу хранить деньги в шкафу сколько угодно времени, но стоимость их от этого не увеличится. Если же у меня есть запас вина, то к концу года стоимость его возрастет, ибо за это время вино улучшится в качестве. Или, если я занимаюсь скотоводством, то, по истечении известного времени, мой капитал увеличится вследствие размножения животных. То, что во всех подобных случаях увеличивается стоимость моего имущества (вследствие улучшения его качества или увеличения его количества), есть нечто, хотя и требующее при обыкновенных условиях приложения человеческого труда, но все же нечто отличное, отдѣльное от труда — именно принцип роста и воспроизведения, характеризующий все формы того таинственного процесса, который мы называем жизнью. В нем Г. Джордж и усматривает причину процентов, т. е. увеличения капитала сверх того, что должно идти на вознаграждение труда.

Способность предметов обмениваться друг на друга, очевидно, предполагает экономическое распределение между ними специальных выгод, физически присущих только некоторым из них — иначе правильная торговля была бы невозможна и никто не стал бы сохранять капитал в такой формѣ, которую можно замѣнить формой болѣе выгодной. По этому, всюду, гдѣ существует обмен, выгоды принципа роста и воспроизведения, присущи физически лишь некоторым видам капитала, должны распространяться экономически на все другие предметы, составляющие богатство.

Торговля, обмен тоже обуславливают возрастание цѣнностей, нѣсколько похожее на то, которое совершается под влиянием жизненных сил природы. Предположим двѣ различные мѣстности. В одной свойства почвы таковы, что известное количество труда может дать там 200 единиц растительной или же 100 единиц животной пищи. В другой мѣстности отношение это обратное: в ней тоже количество труда дает или 100 единиц растительной или 200 единиц животной пищи. Если бы в обоих мѣстностях половина труда шла на добычу растительной и половина на добычу животной пищи, то каждая мѣстность производила бы по 150 единиц животно-растительной пищи. Но если в первой мѣстности труд начать применять исключительно для добычи растительной, а во второй — для добычи животной пищи и между этими мѣстностями будет проходить обмен известного количества одного рода пищи, на соответственное количество другого рода пищи, то теперь население каждой мѣстности

будет располагать уже не 150, а 200 единицами животно-растительной пищи.

И такъ, анализируя производство, мы нашли, что в нем можно различать три разновидности:

Переработку естественных продуктов, выражающуюся в изменении их формы или мѣста, с цѣлью приравнять их к удовлетворению человеческих потребностей;

Рост и размножение или утилизацию жизненных сил природы, напр., при возделывании растений и в скотоводствѣ;

Обмен, доставляющий общей суммѣ богатств выгоды отдаленных сил природы.

Всюду капитал помогает труду, увеличивая его продуктивность, но значение капитала не вездѣ одинаково.

В первой разновидности производства капитал может помогать труду, но не есть абсолютно необходимое условие последнего. Труд тут главный фактор производства. Когда труд прекращается — прекращается и производство; время, в продолжение которого ремесленник или фабрика не работают, совершенно пропадает для производства. Процент на капитал тут получается только от употребления капитала.

Во второй разновидности капитал должен помогать труду, т. е. рѣшительно необходимо ему. Здѣсь время составляет самостоятельный элемент производства: рожь растет и зрѣет независимо от того, работает-ли, или спит земледѣлец. Здѣсь процент получается не от употребления капитала, а от его роста и размножения.

В третьей разновидности капитал тоже необходим, время здѣсь тоже самостоятельный элемент производства, а процент зависит от увеличения стоимости предметов под влиянием обмена.

Такъ какъ проценты на капитал обуславливаются жизненной силой природы, то они должны считаться вполне законными и естественным явлением, а не результатом плохой формы социальной организации. Не правы, стало быть, тѣ, которые требуют уничтожения процентов и утверждают, будто между капиталом и трудом существует непримиримый конфликт. Между капиталом, понимаемым в смыслѣ Генри Джорджа, и трудом на самом дѣлѣ нѣтъ никакого конфликта. Громадные состояния разных Ротшильдов и Вандербилов создаются не из законных процентов, не из нормального, такъ сказать, капитала, но силою концентрированных капиталов, дѣйствующих при ненормальных условиях экономической организации; они создаются из капитализованной ренты, при помощи монополии и путем спекуляций.

(Продолжение слѣдуетъ).

ШЕСТОЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНГРЕССЪ РАБОЧИХЪ ВО ФРАНЦИИ.

Злополучный конгрессъ рабочихъ в Saint-Etienne'ѣ, столь богатый разными приключениями и недоразумѣниями, дал повод французской прессѣ, враждебно относящейся къ рабочему движению, придти въ великій восторгъ.

Пророчества и пророчества не было конца.

«Проводъ социализма во Франції должна замолкнуть, вѣща эта пресса на своихъ столбахъ, конгрессы социалистовъ не имѣютъ болѣе *raison d'être*». И все она приписывала тому, что между социалистическими вожаками пропозелъ великій разладъ, якобы изъ за преобладанія и главенства въ рабочей партіи. Люди, сочувствующие рабочему движению, но не вполне знакомые съ его ходомъ и развитіемъ, нашли, что весь сыр-боръ загорѣлся на Saint-Etienne'скомъ конгрессѣ просто на просто изъ за личностей между вожаками. На самомъ же дѣлѣ личныя отношенія вожаковъ въ данномъ случаѣ, не играли никакой роли. Дѣло въ томъ, что съ послѣднихъ парламентскихъ выборовъ обозначилось въ кругу французскихъ социалистовъ два направленія: одно централистическое, а другое—коммуналистическое. Представителемъ первого сталъ Гедъ, а второго Бруссъ.

Бруссъ стоитъ за самостоятельность муниципалитетовъ, видитъ въ ней благодарную почву для приложения на практикѣ социалистическихъ формъ общегітти. Онъ считаетъ преобразование муниципальных службъ и производства въ области муниципій, коммуны на коллективныхъ началахъ — первымъ шагомъ при проведеніи коллективизма на практикѣ въ своемъ отечествѣ.

Гедъ же утверждаетъ, что самостоятельность коммуны есть регрессивный шагъ, который поведетъ къ анархизму и къ неминуемой гибельной конкуренціи между коммунами, что единственный прогрессивный ходъ — это экспроприация собственности въ пользу государства, которое, учредивъ центральное статистическое бюро, одно можетъ знать всѣ потребности и нужды страны, а потому оно одно, слушая центральное статистическое бюро, должно предписывать коммунамъ заниматься тѣмъ то, а не чѣмъ либо другимъ, сѣять такое то количество пшеницы, а не ржи. При такихъ только условіяхъ государство будетъ процвѣтать, а граждане, подъ флагомъ (не центральной какой нибудь власти, боже избави!) центрального статистического бюро, будутъ наслаждаться и вкушать прелести беззаботной жизни... Слѣдовательно дѣло заключается не въ личной враждѣ вожаковъ, а въ принципиальномъ расхожденіи. Дружно идти по одной дорогѣ при такихъ условіяхъ — дѣло невозможное. Буржуазная пресса, зорко слѣдила за органами социалистовъ, все это прекрасно знала.

Но какое же событіе на конгрессѣ могло привести ее въ столь неописанный восторгъ?

Раздѣленіе конгресса — вотъ что именно позволило ей пуститься въ разныя пророчества.

Безспорно, что поведение двухъ враждующихъ лагерей на конгрессѣ, по нашему мнѣнію, было крайне не тактично. На конгрессѣ, представляющемъ сѣздъ делегатовъ всего рабочаго сословія, представителей самыхъ разнородныхъ мнѣній, учений и отъѣнковъ, вмѣсто общаго объѣма мыслей, фракціи начинаютъ изгонять другъ друга за несходство взглядовъ и убѣжденій... Поводомъ для ostracismа берется не принципиальное расхожденіе, которое могло бы уяснить публикѣ, въ чемъ заключается дѣло, и такимъ образомъ дало бы ей возможность критически относиться къ двумъ несходнымъ направленіямъ, —

нѣтъ! все дѣло строится на дисциплинарномъ вопросѣ рабочей партіи.

Национальный рабочій комитетъ, засѣдающій въ Парижѣ, роль котораго заключается въ приведеніи въ исполненіе постановленій рабочихъ федераций, обязанъ на ежегодныхъ конгрессахъ отдавать отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. И что жъ мы видимъ? — Членъ комитета, Дено, сторонникъ Брусса, въ прочитанномъ имъ отчетѣ ни слова не упомянулъ о дѣйствіяхъ комитета, а всѣ страницы отчета наполнены жалобами, что Гедъ и его сподвижники не подчинялись постановленіямъ комитета и были по отношенію къ нему «dans une révolte permanente». Гедъ-де такого то числа написалъ противъ коммуналистовъ то-то и то-то, а Массаръ и Лафаргъ пѣчто еще худшее; отчего-де въ продолженіе цѣлаго года дисциплина партіи нарушалась филиппиками Геда, направленными противъ коммуналистовъ и главныхъ представителей ихъ.

А посему является предложеніе: изгнать Геда, Лафарга, Массара, Базена и Девиля не только изъ конгресса, но и изъ рабочей партіи.

Изгнаніе вотируется большинствомъ голосовъ. Съ шумомъ и трескомъ моментально отправляются централисты, въ числѣ 22 делегатовъ, въ Роаннъ, бѣгаютъ 4 дня по городу, отыскивая залу, наконецъ, на пятый день находятъ таковую, въ всего на всего для двухъ сеансовъ. Открываютъ, наконецъ, свои засѣданія и, въ свою очередь, начинаютъ изгонять (уже *par contumace*) изъ рабочей партіи Брусса, Малона и всѣхъ представителей коммуналистическаго движенія. Рѣшаютъ, что настоящую рабочую партію составляютъ именно они, ибо имъ суждено спасать ее отъ буржуазныхъ ловушекъ: спасли они ее на Гаврскомъ конгрессѣ отъ Барбере, правительственнаго агента, а теперь спасаютъ ее отъ бруссовскаго *поссибилизма**). Тутъ же писались манифесты въ такомъ родѣ для украшенія стѣнъ города Роанна.

Трудно понять тѣ соображенія, которыми руководствовались бруссовцы при изгнаніи централистовъ на St-Etienne'скомъ конгрессѣ. Мы не видимъ во всемъ этомъ ни малѣйшаго практическаго смысла. Оградить ли они себя этой мѣрой отъ нападокъ централистовъ? — Нисколько. Могли ли они помѣшать выработкѣ постановленій конгресса и приведенію ихъ на практикѣ, какъ фракція другаго направленія, идущая на практикѣ другой дорогой? Въ такомъ случаѣ, отъ чего же той мѣры они не употребили противъ анархистовъ? Эти послѣдніе открыли бы въ третьемъ городѣ конгрессъ и издали бы манифестъ, гласящій, что они молъ составляютъ эссенцію и свѣтъ народной партіи....

Разъ бруссовцы составляли на конгрессѣ значительное большинство, то имъ не могли помѣшать въ ихъ постановленіяхъ ни централисты, ни анархисты, составляющіе незначительное меньшинство.

Мы думаемъ, что завзятая борьба двухъ

*) Эпигетъ, которымъ наградили Гедъ Брусса и его послѣдователей. Бруссъ на одномъ изъ собраний высказалъ, что нужно принимать во вниманіе «существующія условія жизни» и добиваться нѣтъ того, что возможно (*ce qui est possible*). Для Геда это мнѣніе показалось крайне нелѣпымъ, ибо для него «существующихъ условій» — не существуетъ.

лагерей, продолжавшаяся въ продолженіе цѣлаго послѣдняго года, къ несчастію, имѣла послѣдствіемъ то, что люди дѣйствовали въ данномъ случаѣ скорѣе подъ вліяніемъ аффекта, чѣмъ политическаго такта, что и привело на людей, интересующихся рабочимъ движеніемъ, тяжелое впечатлѣніе.

Это была первая ошибка большинства.

Далѣе послѣдовала вторая, болѣе существенная. Назадъ тому еще годъ Бруссъ и его послѣдователи нашли, что считать социалистами только тѣхъ, которые исповѣдуютъ революціонный коллективизмъ, а со всѣми остальными не имѣть никакого дѣла, есть вещь крайне узкая, сектантская, поэтому они рѣшили, отбросивъ эксклузивизмъ, заявить печатно, что они будутъ принимать во вниманіе всѣя мнѣнія и убѣжденія, ведущія къ улучшенію положенія рабочаго класса; въ рабочую партію должны войти, такимъ образомъ, всѣ рабочія корпораціи.

Оказалось, что сдѣлать печатно подобное заявленіе гораздо легче, чѣмъ провести его на практикѣ, въ особенностн съ людьми, которые долѣе парижскихъ собраній ничего не видали, для которыхъ провинціи съ ихъ горемычными рабочими до сихъ поръ не существовали. Печатное заявленіе о томъ, что въ такой то шахтѣ убито 400 душъ, служило имъ, правда, хорошей темой для произнесенія на собраніи въ Парижѣ «un discours violent», но и не болѣе. Съ такими подвижниками, признаться, далеко не зайдешь, что и доказалъ Saint-Etienne'скій конгрессъ. Городъ Saint-Etienne окруженъ каменно-угольными копями и фабриками желѣзнаго производства. Всѣ рабочіе, примкнувшіе къ синдикату, по своей многочисленности, разбиты на секціи, что составляетъ 30 секцій углекоповъ и 30 кузнецовъ. Несомнѣнно, что число членовъ каждой секціи превышаетъ число членовъ какого нибудь парижскаго *cercle d'études sociales*. Для такъ называемыхъ *поссибилистовъ* предстояла хорошая жатва; нужно сказать, что они сами вполне рассчитывали на полный успѣхъ. Но расчеты, къ несчастію, оказались невѣрными.

24 сентября было первое публичное засѣданіе конгресса, на которомъ присутствовали углекопы, но не въ качествѣ официальныхъ делегатовъ своей корпораціи. Лабюкьеръ произнесъ рѣчь о будущемъ общественномъ строѣ и заключилъ ее тѣмъ, что, если нельзя будетъ желаннаго строя добиться мирнымъ путемъ, то, въ такомъ случаѣ, придется прибѣгнуть къ матеріальной силѣ. Гражданинъ Дено въ абстрактной формѣ трактовалъ о собственности и, въ концѣ, высказалъ желаніе, чтобы социальная революція произошла путемъ убѣжденія, если буржуазія не поставитъ для этого преградъ, — въ противномъ случаѣ, придется прибѣгнуть къ силѣ.

Жофренъ выбралъ для своей рѣчи болѣе легкую тему. Онъ говорилъ о..... египетскомъ вопросѣ! И всѣ эти сдержанныя рѣчи были направлены къ тому, чтобы «сиропагандировать» присутствующихъ углекоповъ. Анархистъ Бордъ, въ силу привилегіи, принадлежащей исключительно теперешнимъ французскимъ анархистамъ, высказывать, не стѣнялся ни мѣстомъ, ни временемъ, всѣмъ возвратившимся въ умъ соображенія и желанія,

заявил на трибунѣ, что анархистамъ не нужно ни парламента, ни дисциплины, ни рабочихъ конгрессовъ, что имъ вообще ничего не нужно, за исключеніемъ une «révolution violente et immédiate». Этимъ заявленіемъ Бордъ еще болѣе отгнѣнилъ умѣренность предыдущихъ ораторовъ. Кловисъ-Гюгъ, марсельскій депутатъ, заключилъ свою рѣчь словами, что онъ не станетъ проповѣдывать революціи, ибо не желаетъ брать на себя столь тяжелую отвѣтственность. Вслѣдъ за симъ обратились непосредственно къ рудокопамъ, желая знать ихъ мнѣнія и желанія.

Рудокопы отвѣчали, что будущій строй, положимъ, не дуренъ, что всю тяготу современнаго распредѣленія собственности они испытываютъ на своихъ спинахъ, но, чтобы достигнуть будущаго блага, нужно обратить вниманіе на существующее положеніе рабочаго класса и добиваться практическихъ мѣръ для немедленнаго его улучшенія. Для рудокоповъ необходимо: во первыхъ, сократить число рабочихъ часовъ, т. е. вмѣсто 10 и 11 часоваго рабочаго дня, имъ нужно добиться восьми часоваго труда. Во 2-хъ, чтобы между углекопами была учреждена центральная касса, которая бы выдавала пособия больнымъ, дѣтямъ и вдовамъ убитыхъ на работѣ въ шахтахъ и, наконецъ, рабочимъ, хотя не проработавшимъ въ шахтахъ 25 лѣтъ, но которые благодаря работѣ, получили болѣзнь, не позволяющую имъ болѣе продолжать зарабатывать себя кусокъ хлѣба. По мнѣнію рудокоповъ, государство должно удѣлить сумму для образованія предназначеннаго для этой цѣли фонда. Въ 3-хъ, чтобы рабочие могли выбирать изъ своей среды надзирателей и инспекторовъ, на обязанности которыхъ лежало бы тщательное наблюденіе за устройствомъ шахтъ для уменьшенія и предупрежденія несчастныхъ случаевъ. «Всѣ эти вопросы у насъ стоятъ на очереди; осуществленіе ихъ чрезвычайно для насъ важно. Вы же трактуете о вопросахъ болѣе отдаленныхъ».

Услышавъ такіа рѣчи, делегаты пристали къ углекопамъ, чтобы они приступили, для достиженія своихъ цѣлей, немедленно къ стачкѣ. Углекопы возразили, что стачка не своевременна, прибавивъ, что прійдетъ время, когда они, можетъ быть, и будутъ вынуждены къ этой мѣрѣ. Въ настоящее же время, они думаютъ сначала прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ. Они думаютъ пригласить своихъ депутатовъ и изложить имъ свои требованія съ тѣмъ, чтобы послѣдніе подняли о нихъ вопросъ въ палатѣ депутатовъ.

Делегаты конгресса пустились съ углекопами въ споръ, сопровождавшійся довольно непримиримыми выходками, и, въ пылу горячности, одинъ делегатъ, Алеманъ, заявилъ, что делегаты прійдутъ къ рудокопамъ въ шахты для того, чтобы поднять стачку. На что углекопы отвѣтили лаконически: «попробуйте только!» Вслѣдъ за этимъ углекопы и другіе представители синдикатовъ St-Etienne'a удалились съ тѣмъ, чтобы болѣе и не возвращаться *).

*) Упомянемъ мимоходомъ, что углекопы, пригласивъ чередъ педѣлю депутатовъ своего округа, въ своихъ рѣчахъ заявили, помимо всѣхъ вышеупомянутыхъ требованій, еще и слѣдующее: чтобы государство отдало угольныя копи корпорациямъ рудокоповъ, на что инженеръ

Члены большинства конгресса, не внимавъ ни общимъ, ни частнымъ требованіямъ углекоповъ, разсориившись съ ними и изгнавъ централлистовъ, начали заниматься постановленіями.

На первомъ планѣ было выставлено завоеваніе муниципалитетовъ. Всѣ остальные постановленія касаются исключительно организаціи партій и опредѣленія обязанностей національнаго комитета, между которыми параграфъ пятый гласитъ, что на обязанности комитета лежитъ вести строгую статистику моральнаго и матеріальнаго положенія рабочихъ корпорацій, въ особенности рабочей задыльной платы и положенія учениковъ, для того, чтобы имѣть возможность на другой день социальнѣй революціи улучшить какъ то, такъ и другое.

Жаль, что упрямые углекопы не знали заранее объ этомъ параграфѣ! Быть можетъ, они сдѣлались бы тогда податливѣе и отказались бы отъ своихъ центральныхъ касъ и отъ всего прочаго. Что касается до постановленія Роанскаго конгресса, то централлисты, за неимѣніемъ времени, ограничились писаніемъ вышеупомянутыхъ манифестовъ.

И такъ, мы оказались почти одновременно въ присутствіи трехъ національных конгрессовъ: конгрессъ, такъ называемыхъ, барберистовъ, централлистовъ и коммуналистовъ. Каждый изъ нихъ считаетъ себя настоящимъ и единственнымъ представителемъ рабочей партіи. Мы же думаемъ, что во Франціи въ данное время нѣтъ пока рабочей партіи, т. е. партіи, представляющей извѣстную политическую силу. Есть только зачатки ея. Настоящая рабочая партія образуется во Франціи только тогда, когда тамонніе социаллисты на самомъ дѣлѣ пріймутъ во вниманіе существующія условія и ходъ дѣла въ странѣ и выработаютъ требованія, общія всему рабочему классу Франціи, что, разумеется, и сдѣлаютъ съ теченіемъ времени скорѣе всего социаллисты коммуналисты *).

компаніи заявилъ, что никто не мѣшаетъ рабочимъ сдѣлаться даже въ настоящее время участниками компаніи, купивъ акціи. «А деньги! а деньги!» — раздалось въ залѣ со всѣхъ сторонъ. Инженеръ отвѣчалъ, что остается хлопотать о пониженіи цѣны акціи съ 500 на 50 фр.

*) Соглашаясь вполне съ мнѣніемъ нашего корреспондента, мы прибавимъ, что для достиженія цѣли образованія дѣловой рабочей партіи во Франціи необходимо бы было, между прочимъ, измѣнить совершенно характеръ конгрессовъ, называющихъ себя національными и рабочими, и возвратиться скорѣе къ точкѣ, на которой стояли первые такіе конгрессы (Парижскій 1877 и Лионскій 1878 г.), чѣмъ продолжать идти въ томъ направленіи, какое приняли эти конгрессы съ марсельскаго въ 1879 г. Первые два конгресса имѣли цѣлью собрать свѣдѣнія о положеніи и мнѣніяхъ всѣхъ рабочихъ Франціи, для чего и конгрессы назывались просто «рабочими конгрессами». На 3-мъ организаторамъ удалось провести большинствомъ резолюцію коллективистическаго характера, — съ тѣхъ поръ конгрессы получили имя «социалистическихъ рабочихъ конгрессовъ». Послѣ 4-го конгресса прибавилось еще новое прилагательное — «революціонный». Но точчасъ же оказалось, что каждая фракція изъ участниковъ въ 3-мъ—5-мъ конгрессахъ понимаетъ это прилагательное по своему и отнимаетъ честь носить этотъ титулъ у несогласныхъ съ нею, при чемъ, въ пылу кружковаго спора, измѣняетъ свои опредѣленія (такъ случилось, напр., съ группой Гедэ, отъ имени которой недавно высказаны были въ «Le Citoyen» мнѣнія, произведенныя въ 47 №-рѣ «Вольнаго Слова», подъ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ.

Le Révolté

Объ иллюзіяхъ конспираторовъ и революціонеровъ.

Въ 17 №-рѣ Le Révolté закончена статья «о правительствѣ во время революціи». Въ статьѣ этой, въ которой, какъ во всѣхъ писаніяхъ новѣйшихъ анархистовъ, у которыхъ смѣшались здравыя идеи прудоновскаго анархизма (собственно федерализма) съ привычками мысли запоздалаго якобинства, превратившагося въ бланкистское вспыскушество, — справедливыя вещи смѣшиваются съ странностями, находимъ соображенія, которыя мы считаемъ интересными и для русскихъ читателей:

«Воображать, что правительство можетъ быть ниспровергнуто тайнымъ обществомъ, — говоритъ названная газета, — и что это общество можетъ стать на его мѣсто, это заблужденіе, въ которое впадали всѣ революціонныя организаціи, зародившіяся въ средѣ республиканской буржуазіи съ 1820 г. Но факты въ изобиліи обнаруживаютъ очевидность этого заблужденія. Какую преданность дѣлу, какое самоотверженіе, какую настойчивость показали тайныя республиканскія общества Молодой Италиі, — и однакожь весь этотъ громадный трудъ, всѣ эти жертвы, принесенныя молодежью итальянскою *), передъ которою блѣднѣютъ даже жертвы революціонной молодежи русской, всѣ эти трупы, наваленныя въ австрійскихъ казематахъ и подъ ножемъ и подъ пулями палача, — все это (плоды всего этого), было унаслѣдовано лукавцами буржуазіи и королевствомъ. **)

«Тоже самое и въ Россіи. Рѣдко можно найти въ исторіи тайное общество, которое съ столь малыми средствами достигло результатовъ столь огромныхъ, какъ достигнутые русской молодежью.

«Трудно найти другую организацію, которая бы показала столько энергіи и столько могучей дѣятельности, какъ «Исполнительный Комитетъ». Онъ потрясъ этотъ колоссъ, который казался неуязвимымъ, — царизмъ; онъ сдѣлалъ самодержавное правительство отнынѣ невозможнымъ въ Россіи. И однакожь очень наивны были бы тѣ, которые бы во-

которыми вполне могли бы подписаться и «поспѣбисты»). На послѣднихъ рабочихъ конгрессахъ главной заботой организаторовъ стало не изслѣдованіе положенія и мнѣній массы рабочихъ, не привлеченіе къ движенію возможно большаго числа послѣднихъ, — а проведеніе во чтобы ни стало извѣстныхъ формулъ и титуловъ, приданіе имъ оффіціальнаго значенія. Отсюда заботы объ искусствѣннѣмъ большинствѣ, объ исключеніи конкурентовъ и т. п. На такой дорогѣ не создаются, а распадаются партіи, затеваются смыслъ ихъ, и передовые люди ихъ превращаются постепенно въ генеральные штабы безъ армій, а потомъ даже и въ генераловъ безъ штабовъ. Желательно, чтобы примѣръ французовъ послужилъ предостереженіемъ для дѣятелей народовъ болѣе отсталыхъ. (Ред.)

*) Замѣтимъ, впрочемъ, что «Молодая Италія» вовсе не все равно, что «революціонная молодежь»; послѣднее понятіе есть вещь спеціально русская.

**) Собственно въ данномъ случаѣ только и можетъ быть рѣчь, что о королевствѣ (конституціонномъ, впрочемъ, на которое согласились и такіе «Молодые Итальянцы», какъ Гарибальди), — а не о буржуазіи, противъ которой тѣмъ болѣе не имѣли ничего и самыя «Молодые Итальянцы», что самъ Le Révolté нѣсколько строкъ выше называлъ ихъ «республиканской буржуазіей». «Молодая Италія» и социализмъ — явленія совсѣмъ разныхъ историческихъ періодовъ.